

советская культура

ИСКУССТВА

1990. - 23 июня. - с. 10

Надежда Кожевникова

В ФИЛЬМЕ Формана «Амадей» одна из самых замечательных, на мой взгляд, находок — смех героя. До чего же этот идиотский хохоток, ржание, бляение не соответствуют, казалось бы, моцартовскому гению. И каждый раз не попадая в ситуации для веселья совершенно неуместных. странно, неловко, неудобно просто за него, такого Моцарта. И, наверное, его современники, многие и многие, именно так композитора и воспринимали — как нелепого шута. Они-то сами были куда умнее, приличнее, все знали, все понимали, а Моцарт — нет. Беззащитен, беззаботен, зло может причинить только самому себе, и тем не менее его опасаются, ему мстят, его губят. Правда, он тоже охотно, с готовностью помогает себя погубить. Этот его смех-плач — слышать его все больнее. И он обрывается.

...Никаких параллелей. Просто вспомнилось, когда Вячеслав Овчинников, сказав: «Моя трагедия в том, что я — автор множества начатых и незаконченных произведений», — рассмеялся с ребячливой заливистой бе-

ни разу не взяли: запаматовали. Наверное, и не по злу. Просто у нас не принято вспоминать о тех, кто за кадром. И закона такого нет, а профессиональная признательность не воспита-

«НЕИЗВЕСТНЫЙ» КОМПОЗИТОР

зудержностью. А до того долго, томительно долго пытался найти кассету с записью своей оперы, бормоча: «Господи, куда же я это дел? А ведь там была неплохая музыка...»

Кассета нашлась. Музыка была неплохая. Я помнила ее двадцать лет — вальс Нины из Лермонтовского «Маскарада» — помнила лomotу в груди, головокружение, этот вальс был, как отравка, дурман, наслаждение, боль, самая суть того, что обычно ускользает. Неплохо, словом. Овчинников, слушая, тихонько подпевал: ему тоже нравилось.

Первая его симфония была исполнена Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радио под управлением А. Гаука, и это было событием. Событием стала и одиннадцатисимфоническая музыка к фильму С. Бондарчука «Война и мир». Овчинников тогда только консерваторию закончил. А начал сочинять в девять лет. Ему прочили будущность виртуоза скрипача, но подростком он влюбился в фортепиано, и все-то ему давалось легко, как бывает только при феноменальных способностях.

Он не упоминает дат, когда рассказывает: все проживается сейчас. Послевоенный Воронеж, трофейное кино, пластинки с классической музыкой — одну раздавали, и он ребенком рыдал и до сих пор мучается, не зная что же это было такое... Все есть, все готово, чтобы превратиться в беллетризованную биографию талантливого, замечательного, известного... все, кроме самой малости, благоприятствующей судьбы. То есть чтобы начатое — оперы, оратории, симфонии, кантаты — было наконец закончено. А что мешает?

— Иной раз я и сам придерживаю. Могу писать дрянно и плакать, а наутро дивлюсь: ну что мне тут могло нравиться? Поэтому вот и придерживаю. И многое из написанного уничтожаю, например, из восьми симфоний оставил четыре. Может быть, это даже полезно, но я должен быть уверен в своих сочинениях. Потом, я обычно работаю над несколькими вещами. Может быть, это хорошо, может быть, плохо. Возможно, плохо... Кроме того, я общителен, что мешает, но иначе не могу. Иначе вообще, может быть, не писал бы... И мне не все равно, что происходит в мире. Вмешиваюсь в то, во что порой не следовало бы лезть, а в результате... Я занят, занят постоянно, а вот на свое прямое дело ни сил, ни времени не остается, и это самое печальное.

Человека, написавшего музыку к сорока фильмам, в ленинском трудно заподозрить. И работал он такими режиссерами, как Тарковский, Кончаловский, халтурой не занимаясь, но зато считавшимися краейными, что учитывалось администрацией при денежных с ним расчетах. Андрей Рублев», «Иваново детство», «Война и мир», «Дворянское гнездо», «Степь», «Земля», — по насыщенности музыкальным материалом это уникальные работы. В другой стране они сделали бы композитора и прочно знаменитым, и надолго обеспеченным. У нас ему не грозило ни то, ни то. В многосерийной шикарной постановке «Войны и мира» ценна, если признаться, только музыка, но когда фильм возили по разным странам, композитора с собой

на. У нас, будьте уверены, Ниню Ротта Ниню Ротой не сделали бы, хоть сто бы фильмов озвучил. Ему бы не дали много о себе возомнить, указали бы на место, как у нас умеют. Гонорар бы от предыдущей работы кончился (причем быстро), и пришлось бы приниматься за следующую. Ведь ясно, что все хорошее, что есть в фильме, режиссеру принадлежит. И чем он известнее, тем безоговорочнее его права, обширнее собственность. Один режиссер, с которым Овчинников сотрудничал, как-то обмолвился, что мелодическая основа романа, сделавшего знаменитым его фильм, народная. И за руку его никто не схватил, не поправил. У нас вообще раздолье тому, кто врет и ворует. Куда хуже тем, кого обворовывают.

И сорок фильмов не принесли ни должной творческой удовлетворенности, ни обеспеченности материальной. Потому что ни то, ни другое у нас не предусматривается или, скажем, предусматривается по минимуму. У кого предпринимательской жилки нет, тому худо может прийти. Композитор, например, получает гонорар за исполнение своих сочинений только в филармонии — либо в кабаке. Ни на радио, ни на телевидении ему ничего не платят. А если речь идет о видеокассетах, дисках? Причем выпускаемых за рубежом, то есть стоимость которых выражается в валюте? Ответить на это очень трудно. То есть нужно ответить так, чтобы автор ничего не понял, и когда ему из ВААП какое-нибудь извещение придет, пусть на сумму самую крохотную, он бы радовался себе чистой тихой радостью, не омраченной никакими подозрениями.

Однажды Овчинников, сидя в жюри одного из кинофестивалей, познакомился с лицом, очень влиятельным в кинобизнесе, и как-то, к слову, бизнесмен справился, доволен ли, мол, маэстро проведенным с ним расчетом, или, может быть, гонорар недостаточен? С удивлением Овчинников узнал, что его случайный знакомец лично подписал ему чек на сумму со многими нулями, для советского человека невообразимую, но даже если прикинуть все вычеты, все налоги, сколько-то ведь должно было остаться? Ничего!

Это правильно, что в творчестве главное вознаграждение не денежное, но почему-то когда тебя надвуют и ты чувствуешь себя дураком, вдохновения не прибавляется, а, напротив, остается довольно-таки мерзкое чувство. Увы, нашим людям искусства оно очень даже ведомо. Но, может, такое делается специально? Ведь кто не работает, тот есть не должен, и только если денег, еды в обрез, тогда трудовой энтузиазм не угасает. Известно, что это такое, людская порода: чуть возможность представилась, сразу вверх пузом легли на солнышке. В особенности всякие там композиторы, художники, поэты. Их надо в строгости держать, иначе никакой не дождешься производительности. Но бывает, что и нуждаясь в еде, в деньгах, эти самые художники, композиторы отказываются трудиться. Готовы лечь и помереть. Какие-то им, может, еще нужны стимулы, кто их знает...

Осознав, что его музыка умирает вместе с фильмом, чье существова-

ние, увы, недолго, Овчинников перестал работать для кино. И занялся дирижированием. Его дирижерский дебют состоялся в 1963 году и прошел с успехом. Действительно, за что бы он в музыке ни брался, все ему удавалось. Его исполнительская деятельность становится все интенсивнее, репертуар растет, приглашения множатся. Так, значит, все хорошо? Хорошо... Если бы не этот вдруг странный, резкий не попадая хохоток — что-то, что сам Овчинников заглушить в себе не может, не хочет. Не имеет права.

Он знает, надо дописать оперы «Маскарад», «Кольцов», с партитурой которой произошла просто-таки чудовищная история: во время его отъезда протек потолок, куски штукатурки вместе с потоками воды рухнули на письменный стол, сметая листы испанской нотной бумаги. Пришлось все заново начать... А дальше ждет своей очереди оратория «Сергий Радонежский». А еще хорошо бы собрать, привести в порядок то мелодическое богатство, что разбросалось во множестве фильмов и вместе с ними сгнило. Как думаете, что нужно, чтобы все это успеть?

Оказывается, для творчества нужен не только талант, но и условия. А если их нет, человек успевает меньше, чем мог бы. И быстрее изнашивается, и раньше умирает. И чтобы его добить, никакие не пужны особенные катаклизмы, достаточно наших будней: каждодневных унижений, каждодневных забот, каждодневного предпочтения мелочного главному, потому что ничего не остается для нас главное мелочей. Так все хитро устроено. Никто не может загадывать на завтрашний день ни в житейском плане, ни в возвышенном. Почти всем немножко не доплачивают, почти все немножко не дополучают, и такое общее состояние даже бодрит, не так ли? Не находите? А композиторам, художникам, поэтам, так тем даже полезно, хорошо, когда им плохо. Посмотрите, почитайте статьи о них, теперь прославившихся: ведь как им доставалось, сколько пережили, а каков результат!

Разумеется, выживают самые сильные. И коли не сумел над мелочами подняться, оторваться, воспарить, забыть, что уже пять лет в твоём доме идет капитальный ремонт, и в подъезде с вывинченной лампочкой валяются мастерки, подстерегают ведра с краской, что лекарства нужны тяжело заболевшей сестре, а в аптеках их нет, что сорвалась концертная поездка, так как соответствующие инстанции не отправили вовремя телекс, что коллеги, как ты периодически убеждаешься, испытывают к тебе совсем не братские чувства, а наоборот, — если ты не способен всю эту ерунду отринуть и углубиться, скажем, в ораторию, сам себя и вини. И не будет тебе сочувствия.

И сочувствия нет. С какой стати? Тебя ценят по тому, что обнародовано. А замысленное, даже ожившее, но на людях не исполненное, не изданное, — это еще ничто. И если оно даже в столе не лежит, чтобы быть найденным хотя бы когда-то... Собственно, выходит, речь идет о композиторе, почти никому не известном, и который при этом трудится больше тридцати лет, не разгибая спины, но так и не приступил к главному делу своей жизни.

Какая-то загадка. Но уж больно часто она повторяется в наше время в нашем обществе. Один все разбрасывался, все отвлекался, и только к самому важному приступил, только по-настоящему раскрылся... другой, третий...

В итоге из-за нереализованного таланта, обворванных жизней, личной чьей-то «разбросанности» оказываемся в накладе все мы, все общество. Не понимаем, как можно оставить на столе партитуру, сочиняемому несколько лет, в единственном экземпляре и спокойно уехать. А написать такой вальс Нины из «Маскарада» и на двадцать лет о нем забыть? Право же, известный композитор Овчинников заслужил выговор за пренебрежение, равнодушие к Овчинникову неизвестному.

Но вот какая штука: за бутром, как нынче выражаются, и к нерадивым нашим композиторам проявляют глубокое почтение, удивительную просто снисходительность. Первая, юношеская симфония Овчинникова прозвучала недавно в Западном Берлине триумфально. Дирижировал Владимир Ашкенази, кстати, очень много делающий для пропаганды нашего искусства. После концерта в Западном Берлине интерес к творчеству Овчинникова растет, как на дрожжах. Не у нас — у них. А они тоже, как мы, пока не знают Овчинникова неизвестного: им оказалось достаточно того, что он уже сделал. Что же, нам не впервой узнавать о своих музыкантах, затаивая, художниках с помощью зарубежных специалистов. Им-то мы верим, их вкус для нас — эталон. Пождем. Может быть, скоро они нам и неизвестного Овчинникова откроют.

● Вячеслав Овчинников.